

КНИЖНЫЙ ДИСКУРС

Наталия КРОТОВСКАЯ

научный сотрудник сектора истории антропологических учений.

Институт философии Российской академии наук.

109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;

e-mail: krotovskaya.nata@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК О ЛЮБВИ

Обзор книги *И. Сингера* «Философия любви: Промежуточный итог»

Ирвинг Сингер (1925–2015) – бывший профессор философии Массачусетского технологического института, автор более двадцати научных книг. «Философия любви» [7] – далеко не первая книга Сингера, посвящённая исследованию различных аспектов любви.

Сингер начинает своё исследование с античности, анализирует взгляды Платона, рассматривает греческую концепцию эроса и христианское понятие любви-агапэ, не только противопоставляя их, но и делая попытку их «синтезировать». Он пишет о куртуазной любви, оценивает взгляды Фрейда, вступая с ним в полемику, ибо последний, по мнению автора, ошибочно считал основой любви завышенную оценку объекта страсти и потому полагал любовь иллюзией и самообманом.

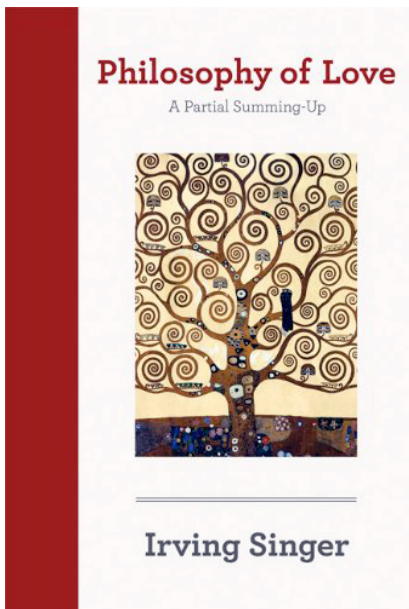
Излагая взгляды Ф. Ницше, Сингер касается оценки любви экзистенциалистами, в частности Ж.-П. Сартром. Себя автор видит продолжателем мысли американских философов-прагматиков, таких как У. Джеймс, Дж. Дьюи и «неоплатоник» Дж. Сантаяна.

Далее он прослеживает связь между любовью и творчеством, рассматривая роль творчества в нашем опыте. Это центральная проблема для традиционной мысли о любви, будь то любовь к Богу, христианская агапэ или любая другая форма человеческой любви. Сингер трактует любовь-дар как всепроникающий, творящий образы компонент человеческой способности к творчеству.

В будущем философия любви видится Сингеру объединением естествознания с гуманитарными науками. В рамках нынешней действительности неизбежно должны возникнуть новые формы искусства и новые ветви науки, которые сумеют разобраться с множеством нерешённых проблем в этой области.

Ключевые слова: любовь, агапэ, эрос, куртуазная любовь, романтическая любовь, «умиротворение», слияние, дуализм, плюрализм, творчество

Прежде всего Ирвинг Сингер подчёркивает, что в данной книге, как и в других его работах, выбор тех или иных философских концепций, подлежащих рассмотрению, обусловлен его личными представлениями об их значимости. Стараюсь быть аккуратным в своих оценках, он не претендует на полную объективность описания. Предлагаемый труд лишь воплощает то, что ему как современному философу удалось узнать, изучая других авторов и пытаясь продвинуться вперёд немного дальше, ибо, на его взгляд, философия не является предметом, где возможен окончательный ответ или исчерпывающее решение поставленных ею вопросов.

Возможно, некоторых читателей разочарует отсутствие в этой книге полемики, однако их можно успокоить тем, что более тщательный и широкий разбор затронутых в ней проблем приводится в других его трудах на эту тему. Данный текст намеренно написан в более свободной и менее поучительной манере и представляет собой общий обзор предмета. Именно поэтому в книге почти нет сносок, а отсылки к замечаниям других авторов обычно воспроизводятся в пересказе, а не цитируются дословно.

Исходным материалом для этого труда послужила серия интервью, данных автором на радио. Свободный формат разговора позволил ему выявить идеи, которые прежде ему не удавалось сформулировать. Поэтому в книге присутствуют как новые, так и старые идеи, представленные в том виде, который понравится одним и не удовлетворит других. В конце исследования автор предлагает объединить усилия биологии и различных гуманитарных наук, лишь вкратце описывая возможные результаты подобного сотрудничества и оставляя эти области более компетентным исследователям.

Исходным материалом для этого труда послужила серия интервью, данных автором на радио. Свободный формат разговора позволил ему выявить идеи, которые прежде ему не удавалось сформулировать. Поэтому в книге присутствуют как новые, так и старые идеи, представленные в том виде, который понравится одним и не удовлетворит других. В конце исследования автор предлагает объединить усилия биологии и различных гуманитарных наук, лишь вкратце описывая возможные результаты подобного сотрудничества и оставляя эти области более компетентным исследователям.

Ирвинг Сингер особо отмечает, что хотел бы поместить эту книгу в контекст его собственных многолетних размышлений, которые ей предшествовали. Он начал разрабатывать тему философии любви в то время, когда ни один уважаемый философ англосаксонского мира не рассматривал её как предмет, достойный профессионального или вообще какого-либо внимания. Исследуя эту область, он оказался отрезанным от общепринятого в Америке философского анализа. Воспитанный в ключе аналитической философии, он полагал, что напишет книгу, где подвергнет систематическому рассмотрению и детальной проработке все составляющие и проблематику, имеющие отношение к повседневному употреблению слова «любовь». Автор подчёркивает, что при этом, как это нередко бывает, им двигали не только научные интересы, но и тревоги, недоразумения и неразрешённые противоречия, присущие ему как человеку. Пустые абстракции мало для него значили, он чувствовал потребность в тщательном, пусть и трудоёмком, анализе того, что важно для всех.

Тогда он принял решение обратиться к истории идей в философии и искусстве. Раскопал целые горы рассуждений и эстетических трудов, простиравшихся далеко за пределы того, что считалось истинно философским. Результатом этих усилий стала его трилогия «Природа любви», в которой автор попытался понять исторический ход мысли и вдохновения в рамках заданных им разграничений.

Завершив вышеназванную трилогию, автор начал понимать, что разработанные им концепции слишком поверхностны, узки и несовершенны. Он осознал, что для понимания любви и связанных с ней состояний ему необходимо углубиться в проблемы смысла жизни в целом, а также в общие проблемы создания человеческих ценностей. Спустя ещё девять лет появилась его вторая трилогия «Смысл в жизни», во второй части которой, имеющей подзаголовок «В поисках любви», рассмотрены вопросы любви, к которым автор не мог подступить раньше.

Однако проблемы отношений любви и воображения, идеализации, завершённости и эстетики ещё оставались нетронутыми. Они послужили материалом для последующих книг: «Чувство и воображение: пульсирующий поток нашей жизни» и «Исследования любви и секса», которые естественным образом вышли из предшествующих изысканий о природе любви.

В книге И. Сингера «Философия любви: предварительные итоги» вниманию читателей предложена вся траектория изысканий автора, касающихся заявленной темы.

Автор вступает в полемику с теми учёными, по мнению которых концепция любви как романтического, сексуального или межличностного феномена возникла совсем недавно, примерно два столетия назад. Он чувствует, что подобный взгляд не даёт ясного представления об истории идей, касающихся этого или любого другого типа любви. Так

называемая романтическая любовь – интеллектуальное образование, появившееся с началом романтизма в Новое время. В этих рамках соответствующее понятие по праву обозначается как «романтическая» любовь и по праву соотносится с течением романтизма. Оно возникает в конце XVIII в. и достигает расцвета в начале XIX в. Но даже в то время мало кто осознавал, насколько традиционно, хотя вместе с тем и ново это представление, уходящее корнями в эволюционный процесс, в котором теории любви существовали на протяжении двух тысячелетий.

Автор убеждён, что многие элементы романтической идеи XIX века восходят к источникам в древнегреческой философии и литературе, в эллинистических баснях, в зарождающемся христианстве, в реакции против христианства в эпоху Возрождения и, наконец, в разнообразных представлениях XVII в. и начала XVIII в. Эту последовательность нельзя разделить на два периода, где первый предшествует любым представлениям о романтической любви, а второй сводится к размышлениям последних двух столетий, сосредоточенным на этой идее. Таким образом, автор делает вывод, что романтическая любовь является изобретением последнего периода, судя по всему, ошибочно.

И всё же в этом движении последних веков явно произошло что-то важное и очень необычное, и мы до сих пор живём в его продолжающемся развитии. Это движение прошло несколько фаз. Рассматривая романтическую любовь XIX века, автор проводит различие между двумя типами романтизма: первый он называет положительным, а второй, противоположный тип, весьма распространённый в середине XIX века, романтическим пессимизмом. Предвосхищение этих двух форм идеологии можно обнаружить в пьесах Шекспира. Он всячески критикует то, что сегодня мы называем «куртуазной любовью», процветавшей в Средние века на протяжении почти пяти столетий. В качестве противопоставления такой любви Шекспир разрабатывает концепции, которые в XIX в. легли в основу взглядов на любовь эпохи романтизма, как положительного, так и пессимистичного. Шекспир сыграл немаловажную роль в их формулировании.

Шекспир, будучи мыслителем, чья ментальность впитала в себя нравы куртуазной любви, но выступала против неё, предвосхищает, пусть и не вполне явно, то, что позже станет романтическим отношением к средневековой философии любви. Как и во многих других подобных случаях, художественный талант Шекспира стал первородной силой в истории западного мышления. Хотя романтики XIX века считали Шекспира своим, его нельзя назвать абсолютным приверженцем романтизма. Не будучи философом или теоретиком романтизма, Шекспир тем не менее является предшественником истинных романтиков.

В качестве иллюстрации своих мыслей автор приводит пьесу «Много шума из ничего». Она строится вокруг двух типов любви. Один тип – это отношения Клаудио и Геро, молодого человека и де-

вушки, которые очень мало понимают себя и друг друга и чьи куртуазные отношения строятся лишь на осознании своей влюбленности. Хотя они уверены, что любят друг друга, Шекспир опровергает истинность их чувств. Он показывает, как Клаудио ложно обвиняет Геро в измене, тогда как неверен сам: вместо того, чтобы справиться с трудностями в отношениях со своей возлюбленной, он проклинает и унижает её. Их связь оказывается эмоционально неустойчивой. Второй тип отношений – это поначалу враждебная, но в конце концов становящаяся любовной связь Бенедикта и Беатриче. Они всё больше проникаются друг к другу доверием, которое возникает типично романтическим образом. Нередко романтизм предполагает изначальную враждебность мужского и женского. Эта, на его взгляд, существенная тенденция, проистекает из того, что два пола, будучи по-разному запрограммированными, видят мир по-разному. В результате каждый заведомо относится к противоположному полу с подозрением и состоит с ним в постоянной вражде.

Такой взгляд подтверждается недавними исследованиями биологов, проведёнными с серебристыми чайками в период спаривания, когда самка одна прилетает на отдельный островок, помечает территорию и ждёт прибытия самцов. Но стоит одному из них зайти на её территорию, как самка его атакует. Только после этапа, который биологи называют «умиротворением», между птицами возникает взаимопонимание и самка осознаёт, что для репродуктивных целей ей не хватало именно самца. Она пускает его на территорию, и они образуют пару. Так вот, нечто подобное, согласно представлениям романтизма, происходит с людьми, в данном случае с Беатриче и Бенедиктом. Они – очевидные враги, и поначалу друг друга высмеивают, но затем, благодаря повороту в сюжете, искусственно, но прекрасно обставленному Шекспиром, преодолевают свою первоначальную враждебность.

После этого двое, ставшие теперь одним, могут помочь своим друзьям – куртуазным любовникам, которые сами не справляются со своими отношениями, – а помогая друзьям, пара сама становится более сплочённой. Беатриче и Бенедикт действуют заодно в дружеском, совершенно полноценном союзе. Хотя они и подшучивают над своей первоначальной взаимной неприязнью, они испытывают настоящую любовь. Обе пары вступают в брак, но мы можем предположить, что Беатриче и Бенедикт с гораздо большей вероятностью преуспеют в совместной жизни, чем вторая пара. Те, кто прошёл «войну», лучше понимают друг друга. Пережив начальную враждебность, они способны достичь полного единения. Для них взаимное презрение, присущее людям разного пола, успешно преодолено.

Несмотря на все стычки, ссоры и невзгоды, неизбежные в браке, мы понимаем, что Беатриче с Бенедиктом действительно могут жить долго и счастливо. А вот насчёт второй пары, Геро и её возлюбленного, такой

уверенности нет. Это противопоставление куртуазной и романтической любви показано у Шекспира, пожалуй, лучше, чем у кого-либо ещё. И основные элементы его взглядов, разрабатывавшиеся на протяжении трёх столетий, стали тем, что и сегодня сохраняется как пережитки романтической любви. Общепринятое мнение, будто истинная любовь в представлении XIX века предстаёт совершенно безмятежной, автор считает ошибочным.

Даже в положительную фазу романтизма понимали, как сложно достичь настоящего единства, даже если не принимать в расчёт внешнее влияние общественных ожиданий от брака и ухаживаний и, конечно, родительский контроль. Было ясно, что мужчины и женщины значительно отличаются друг от друга и, более того, во многих отношениях несовместимы. Однако надежда или мечта, что эти трудности преодолимы, сохранялась. Именно этот типично романтический взгляд на любовь изобразил Шекспир. И именно поэтому автор считает его ключевой фигурой. Но он – лишь один из многих, кто выстраивал идеи о человеке в поиске любви, развивавшиеся на протяжении последних двух тысячелетий и даже больше.

В качестве исходной точки своего исторического исследования автор берёт Платона, считая его величайшим из философов, отцом философии, за исключением Сократа, не написавшего ни строчки. Платон, безусловно, положил начало великому поиску в сфере философии любви. Однако Платон – многогранный философ. Возьмём хотя бы андрогинные пары, описанные им в «Пире». В этом произведении соответствующий миф рассказывает не сам Платон, а Аристофан.

Вкратце рассказ Аристофана сводится к следующему. Изначально андрогины были трёхполыми (мужчины, женщины и гермафродиты), но боги разделили возгордившихся андрогинов на две половины, создав тем самым три типа воссоединения, к которому эти существа стали стремиться. Один из них – связь ищущих друг друга мужчин и женщин, другой – взаимная склонность двух женщин, образующих лесбийскую пару, и, наконец, стремление к единению двух мужчин. Другими словами, уже у Платона можно предположить существование сомнений относительно однополых связей, которые продолжаются и в современных спорах о браке в Америке и других странах.

Аристофан утверждает, что из трёх возможных пар наилучший вариант – это двое мужчин. Афины были патриархальным обществом, и небольшая группа, к которой принадлежал Платон, была по большей части гомосексуальна – своего рода гомосексуальное ядро афинского и греческого общества. Однако не все греческие государства были так терпимы к гомосексуальности, как Афины, да и в самом афинском обществе она не была распространена повсеместно. Так что те, кто считает, что в Афинах все были гомосексуалистами, совсем не правы. Однако в молодости Платон скорее всего принадлежал к той или иной

гомосексуальной группе. Если некоторые члены таких групп могли быть просто менторами или друзьями, то другие вступали в открытые сексуальные отношения.

И тем не менее поздний Платон занимает совсем иную позицию. Когда приходишь до «Законов», важнейшей книги, написанной Платоном на закате его жизни, когда ему было уже под восемьдесят, оказывается, что он осуждает гомосексуализм. Он говорит, что единственный тип семьи, который должно поддерживать государство, – это биологический союз, брак между «одним мужчиной и одной женщиной». Соответственно, последние идеи Платона мало похожи на то, что он утверждал в «Пире», «Федре» и других диалогах. Наконец, в «Государстве», возможно, величайшей из книг, когда-либо написанных в западной философии, взгляд Платона на пол и любовь по глубине превосходит всё, что было сказано в «Пире», «Федре» и даже в «Законах». В «Государстве» он утверждает, что всем нам свойственны поиски блага. И когда мы влюблены, тело используется в этом поиске как инструмент инстинктивных репродуктивных сил. Фрейд назвал бы это либидинальным стремлением к гетеросексуальной любви, к совокуплению. По мнению Платона, всё это хорошо и естественно, но конечная цель человечества не в этом. Самое главное – в поиске блага преодолеть императив тела, и только так люди могут наполнить своё духовное бытие и обрести в жизни истинную ценность и красоту.

Как совершить этот переход от сексуальных импульсов юного существа к другим, более возвышенным интересам? Платон отвечает: пустившись в похвальные предприятия. Пусть человек занимается искусством, построением достойного общества, поиском научных истин и других способов познания, открывающих иную реальность, которые не сводятся просто к сексу. Правильной реакцией на сексуальный инстинкт Платон считает разнообразие связей. Пусть секса будет столько, сколько хочется, так рано, как захочется, с тем, кого вы выберете, неважно, кто это и какого пола. Вы обнаружите, что все отдельные объекты вашей сексуальной активности одинаковы. Полностью испробовав секс, затем вы его перерастёте, предсказывает Платон.

Платон советует насытиться сексом настолько, насколько позволяет общество, в раннем возрасте. Это очень напоминает отношение, которое встретил антрополог Бронислав Малиновский на островах Тихого океана в начале XX века. По его наблюдениям, молодёжь там могла заниматься чем угодно, и родителям было всё равно. Это просто секс. Ему не придавали особого значения. Идея Платона заключается в том, что следует очиститься от фанатичной одержимости, спровоцированной гормональными инстинктами, бурлящими в человеке в период созревания, чтобы подготовить его к репродуктивным требованиям вида; следует получить столько, сколько возможно, и потребность в сексе перестанет быть движущей силой и уж точно не будет главной мотивацией.

Вместо этого можно начать думать о любви и даже влюбиться. Но тут, как утверждает Платон, можно в итоге выйти за границы личной привязанности, межличностной романтической любви, и это освобождение откроет перед вами путь образования и воспитания, который позволит понять благо, лежащее в основе вселенной, то, что впоследствии в христианстве станет важнейшим атрибутом Бога. Благо – это высшая форма бытия в христианстве: по самой своей божественной природе Бог совершенно благ, совершенно прекрасен и является высшим совершенным источником реальности. Всё это в христианстве прямо или косвенно восходит к Платону.

Духовная любовь, религиозная любовь, любовь к Богу, что бы под этим ни подразумевалось, очень далека от биологического начала. Попутно может возникать любовь философа к истине, любовь учёного к практическим и теоретическим изысканиям, любовь к народу, любовь к стране, к нации, та, что заставляет посвящать себя созданию законов, справедливых и равных для всех. Есть ещё любовь воина, которую он доказывает, верно служа своей стране и, возможно, умирая за неё. Всё это выходит за рамки секса, но в то же время остаётся частью той же цепи, поскольку секс также понимается как плод нашего поиска блага и красоты.

На мой взгляд, во всей западной культуре нет более плодотворного и мощного творения мысли о любви, чем учение Платона. Из него вышло не только христианство, но и реакция против христианства, наряду с разнообразными неоплатоническими и антиплатоническими взглядами, представленными такими философами, как Аристотель, который рассматривал эти идеи как ученик Платона, но относился к ним по-другому. Платонизм – это исключительный этап в деятельности человеческого разума, который следует изучать каждому образованному человеку, изучать бесконечно.

Нельзя отрицать, что история – в данном случае история идей – не развивается линейно. Идеи двигаются в одном направлении, а затем возникает противоположная реакция. Величие Гегеля заключается в его чуткости к этой диалектике идей. На деле он использовал её как способ понимания реальности в целом. Представление о диалектике помогает нам понять, как впоследствии появляются философские школы среди антиплатоников, которые описывают любовь иначе, в то же время отзываясь на то, что о ней говорили Платон и его последователи.

Именно в этом контексте автор рассматривает труды Дэвида Юма. Юм не верил в метафизику того типа, что предлагал Платон. И не был романтиком. Он был преромантиком-эмпириком. Современный экзистенциалист или гуманист-прагматик тоже рассматривает мир с эмпирической точки зрения, не укладывающейся в учение Платона, но тем не менее он способен оценить соблазнительность его хода мысли. Для Юма и его последователей нижняя ступень лестницы в учении Платона, та, что сосредоточена на мире опыта и материальности, который мы

все населяем, вполне заслуживает отдельного философского осмысления. Вместо того чтобы думать о траектории Платона – вертикальной концепции восхождения к трансцендентным высотам, находящимся за пределами естественного, мы предпочитаем горизонтальную точку зрения. Она в свою очередь позволяет нам понять любовь во всем её многообразии в рамках самой природы.

Автор полагает, что люди и их базовые отношения, такие как любовь, неизбежно множественны. Он убеждён, что изучение различных сторон нашего существования на эмпирическом опыте, близком фактичности природы, – это, вероятно, лучшее, на что мы можем рассчитывать. Наследуя своё мировоззрение у таких мыслителей, как Дэвид Юм, Джон Стюарт Милль и Джон Дьюи, он полагает, что вместо того, чтобы искать единственный ответ, тем более такой трансцендентальный, какой ищет Платон, нужно, осознавая многообразие нашей вовлечённости в природу, ставить вопросы о реальности и её ценностях.

Ирвинг Сингер не предлагает никакой приоритетной или всеобъемлющей теории, относясь к ним с подозрением. Он полагает, что таким универсальным терминам, как любовь, счастье, смысл жизни, секс, красота и т. д., невозможно дать одно определение. Эти явления так значительны, что сведение их к единому, неизменному, включающему всё определению, какое искал Платон, неоправданно. По мнению автора, мы можем только разъяснять их, делая наш анализ всё филиграннее. Лишь в этом случае возможно соотносить и сопоставлять идеи, не прибегая к единому принципу, который всё сводит к самому себе. Всегда найдутся реальность и опыт, не вписывающиеся в заданные рамки.

В конце XIX в. Фридрих Ницше отверг принцип философствования, свойственный Платону. Отрицая способ мышления Платона, он также заклеил Сократа, назвав его «архетипом интеллектуала». В «Рождении трагедии из духа музыки» Ницше высказал мнение, что греческая трагедия начала вырождаться после того, как во главе культуры встал интеллектуал в лице Сократа. Несмотря на то, что в целом Ирвинг Сингер считает взгляды Ницше заблуждением, отрицание идей Платона, на взгляд автора, считающего себя последователем Сократа, даёт стимул к размышлению.

По мнению Сократа, все мы знаем, что такое реальность. Однако наши знания замутнены. Задача философа – помочь нам прояснить свои мысли. Сингер, убеждённый в бесперспективности окончательного решения «проблемы человека», призывает отказаться от поисков единственного определения природы любви или от рассуждений о том, что современность оторвана (или не оторвана) от великой сферы бытия, какой её представляли Платон и средневековое христианство. Вместо того чтобы заниматься подобными предположениями, нам следует понять и оценить то, что происходило в мире поиска человеком того или иного решения. Только определив содержание этих поисков, мы способ-

ны высказывать жизнеспособные идеи о том или ином аспекте нашей реальности, и в этом, кстати, заключается наше главное свойство вечно ищущих существ.

С этой целью автор рассматривает две важные темы философии Платона, которые в дальнейшем окажут огромное влияние на всё мировоззрение: идею трансцендентности и идею слияния. Автор не разделяет эти идеи, полагая, что любовь невозможно объяснить в терминах перехода в высшую реальность. Мы – результат многообразных сил, действующих на нашей планете. Любовь невозможно объяснить, обратившись к метафизической области, лежащей за гранью наших земных условий. По мнению автора, когда речь заходит о любви, нас в действительности интересует не слияние какого бы то ни было свойства. В целом автор – противник всеобщей веры в слияние, которое выходит за рамки человеческих возможностей и вдобавок является весьма опасной идеей.

Будучи людьми, мы в нашем желании любить существуем как отдельные личности. Наши индивидуальности не сливаются, это невозможно. В лучшем случае мы воображаем, что сливаемся, и потому начинаем подделывать реальные составляющие наших отношений.

В результате желания слиться – а некоторые люди находят это чувство очень привлекательным – мужчины и женщины так или иначе перекраивают себя. Одно это подтверждает сомнение в том, что любовь действительно может быть слиянием. Не отрицая, что такое стремление встречается довольно часто, автор не видит оснований полагать, что оно характерно для любой романтической склонности, и выражает уверенность, что на самом деле оно неосуществимо. В истории философии можно найти более подходящие идеи. Они касаются другого рода отношений, как правило, аристотелевских, а не платонических. В их основе лежат представления о людях, состоящих в межличностной связи, делящих друг с другом самих себя, – о людях, нашедших другого человека, совершенно не похожего на них, которому не надо покоряться или слепо подчиняться. В подобных обстоятельствах оба осознают, что они, бесспорно, не являются единым целым. Однако из этого осознания несхожести и её взаимного приятия способно родиться настоящее чувство единения.

Представление о слиянии особенно распространилось в начале XIX в. Когда говорят, что романтическая любовь появилась недавно, то это происходит потому, что слияние в то время стало особенно значимым. Теоретики романтизма рассматривали слияние как центральную идею их концепции любви. Однако это учение имеет и другие источники. Средневековое христианство было постоянно расколото спорами о слиянии. Прославленных мыслителей сжигали на кострах за то, что они считали, будто мужчина или женщина способны слиться с Богом. В исламе тоже был великий философ, казнённый за то, что он сказал: «Я Бог». Он не имел в виду, что он – часть личности высшего существа. Он

имел в виду, что слился с Богом, добившись полного единения с ним. В буквальном понимании эта идея – ересь, как для ислама, так и для христианства. В иудаизме она также вызвала бы проблемы, не будь она так далека от иудейской концепции любви к Богу как к отдельному и неповторимому существу. А так как католицизм восходит к Платону, в нём это представление было причиной постоянных сомнений.

Согласно католическому богословию, Бог находится в мире. Учёные и Отцы церкви расходились во мнении, как такое возможно. Одни говорили, что Бог в мире потому, что он присутствует в природе. Однако подобная точка зрения напоминает пантеизм, как будто Бог – одно и то же с природой, как будто он неотделим от неё. Христианство не терпит такого подхода, поскольку он противоречит основному положению, согласно которому бытие Бога надмирно. Бог по определению выше природы, природа же, в свою очередь, считалась нечистой, несовершенной и, возможно, порочной. Тело противопоставлялось душе, а значит, Бог не мог буквально присутствовать в материальном мире. Он принадлежит к духовной области, к которой мы, смертные, можем только стремиться. Если нам повезло обладать божественной благодатью или усовершенствовать себя добрыми делами, мы можем в конце концов быть допущены в божественные сферы. Только такую центральную догму допускало христианство. И одновременно некоторые всё же считали, что Бог каким-то образом есть и в нас, и во всём мире. Для церковных властей это породило огромную проблему, строящуюся вокруг вопроса слияния. В противовес этому представлению нередко обращались к более умеренной идее «брака».

На протяжении всего Средневековья встречаются отсылки к брачному союзу человека с Богом, к соединению человека и Господа. Человеческая душа понималась как невеста, а Бог – как жених. Этой темой пронизана значительная часть средневековой духовной поэзии. Оба существа соединяются, не сливаясь в одно, а обручаясь или даже брачуются. Они сообщаются и наконец взаимопроникают друг в друга, не теряя при этом своей самостоятельной сути. Таким образом, смертный может достичь единства с Богом, при этом оставаясь отделённым от божества.

Если почитать поэзию Святой Терезы, можно подумать, что она свято верила в слияние или по крайней мере допускала его возможность. Однако этот взгляд не традиционен и даже теперь не принимается буквально католической церковью. Как правило, такое отношение считается идолопоклонством, как и беспредельная любовь к другому человеку, какой заслуживает только Бог.

Сегодня к любви между мужчиной и женщиной или между мужчинами и между женщинами относятся так, словно это и есть единственно возможная духовная любовь. Такую точку зрения открыто отстаивали романтики XIX века, и именно этой тенденции всегда боялась Церковь: если люди любят друг друга квазидуховной любовью, они вредят Богу и

не исполняют его заповедь любить одного Его. *И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею.* Но этого не сделать, если будешь любить другого человека с той же силой. Даже мысль об этом считалась ересью в Средние века. Именно спор традиционных взглядов и еретического чувства к другому человеку породил средневековый куртуазный миф, отраженный в легенде о Тристане и Изольде. Вкусив любовного напитка, эти двое полюбили друг друга с полной самоотдачей и беззаветной верой в праведность их слияния. Этот миф особенно ясно проступает в опере Вагнера, которая написана в период романтизма, но предваряется сотнями схожих версий этой легенды в предшествующие века.

Церковь опасалась, что любое уподобление человеческой любви служению, которое должно приносить только божеству, грозит её миссии. Любовный напиток неизбежно воспринимался только как зло, ведущее к трагической развязке.

Касательно слияния Ницше замечает: *если бы боги существовали, как бы вынес я, что я не бог?* При всей иронии этого высказывания Ницше затрагивает глубинную причину поиска слияния. Если верить в Бога совершенного, человеку, как утверждает Ницше, захочется не только прильнуть к Нему в поисках защиты, но и стать Им. Сартр развивает эту мысль в «Бытие и ничто». Усилия человека тщетны, утверждает Сартр, потому что он хочет быть Богом, а Бога нет. Однако за этой концепцией кроется вопрос: почему у человека вообще возникает желание быть Богом, слиться с Ним? Потому что у нас есть некое представление о совершенном существе. Человеческое воображение, способное создать такое представление, – само по себе большое достижение, которое автор никоим образом не хочет принизить. Из-за того что мы хотим быть совершенными, у нас возникает желание слиться с идеалом.

Это один способ объяснить стремление к слиянию. Другой заключается в том, что все мы начинаемся со своего рода слияния. Оно совершается при столкновении сперматозоида с яйцеклеткой. Они не простожимают друг другу руки и говорят: давай жить вместе и выживать, как сможем. И всё же человеческая любовь не зарождается только биологическими путями. При размножении сперматозоид входит в яйцеклетку и в мгновенном слиянии образуется зигота. Это обычный химический процесс. Но размножение – только прелюдия к истории человека. Зигота ещё не человек. Но как только в развитии отдельного мужчины или женщины появляется личностное, мы выходим из области, где возможно слияние. Когда-то эта возможность была частью нас, как еда, становящаяся нашей частью. Но как личности мы становимся чем-то бóльшим и уже неспособны сливаться, подобно клеткам и молекулам.

Надежда на нечто подобное, возможно, лежит в основе рассуждений, когда говорят или думают: «Вот бы вернуться к первичному, биологически запрограммированному состоянию, это решило бы все мои

любовные проблемы». Подобные мысли сродни желанию вернуться в утробу матери, а это уже идея Фрейда, считавшего, что такое желание присуще любому мужчине. Интересно, почему он не говорил того же о женщинах, они ведь тоже вышли из утробы? В любом случае все эти идеи о слиянии развивают воображение и могут оказаться очень увлекательными; эстетика их выражения на протяжении истории идей всегда занимала автора. Так что он не предлагает полностью отказаться от мысли о слиянии. Думать о нём – неотделимое свойство нашего творческого мышления. Но эта концепция далека от действительности и того, чем мы являемся. Значит, природу любви следует разъяснять как-то иначе, ближе к реальности.

Список литературы

1. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. СПб.: Азбука, 2014. 224 с.
2. Платон. Избранные диалоги. М.: Эксмо, 2007. 768 с.
3. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2014. 928 с.
4. Nygren A. *Agape and Eros*. Philadelphia: Westminster Press, 1953. 764 p.
5. Singer I. *Explorations in Love and Sex*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. 224 p.
6. Singer I. *Feeling and Imagination: The Vibrant Flux of Our Existence*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. 223 p.
7. Singer I. *Philosophy of Love: A Partial Summing-Up*. Cambridge: MIT Press, 2011. 144 p.
8. Singer I. *Sex: A Philosophical Primer*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. 152 p.
9. Singer I. *The Goals of Human Sexuality*. N. Y.: Norton, 1973. 219 p.
10. Singer I. *The Nature of Love*. Vol. 1: Plato to Luther. Chicago: University of Chicago Press, 1973. 379 p.
11. Singer I. *The Nature of Love*. Vol. 2: Courtly and Romantic. Chicago: University of Chicago Press, 1973. 496 p.
12. Singer I. *The Nature of Love*. Vol. 3: The Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 488 p.
13. Singer I. *The Pursuit of Love*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1994. 181 p.

BOOKISH DISCOURS

Nataliya KROTOVSKAYA

Researcher of the Department of the History of Anthropological Doctrines.
RAS Institute of Philosophy, Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian
Federation;
e-mail: krotovskaya.nata@yandex.ru

HISTORICAL ESSAY ABOUT LOVE

**Review on a book «Philosophy of Love: A Partial Summing-Up»
by I. Singer**

Irving Singer (1925–2015), a former professor of philosophy at the Massachusetts Institute of Technology, author of more than twenty scientific books. “Philosophy of love” is not his first book devoted to the study of various aspects of love.

Singer begins his study from the times of antiquity, examines the views of Plato, considering the Greek concept of Eros and the Christian concept of love, Agape, not only confronting them, but making the attempt “to synthesize”. He writes about courtly love, analyses the views of Freud, engaging in polemics with him, because the latter, in the author’s opinion, mistakenly considered the foundation of love an overestimation of the object of passion, and therefore regard the love as illusion and self-deception.

Presenting the views of Nietzsche, Singer touch upon the estimation of love by existentialists, in particular J.-P. Sartre. The author considers himself as the successor of the ideas of the American philosophers-pragmatists such as William James, John. Dewey and “neoplatonic” John. Santayana.

He further traces the connection between love and creativity, examining the role of creativity in our experience. This is the central problem for traditional thoughts about love, whether love for God, the Christian Agape, or any other form of human love. Singer treats a gift of love as the all-pervading component of human creativity.

The future of the philosophy of love Singer sees in combination of Sciences and the Humanities. In the present reality must arise new forms of art and new branches of science that would be able to deal with the many unresolved issues in the area.

Keywords: love, Agape, Eros, courtly love, romantic love, “appeasement”, fusion, dualism, pluralism, creativity

References

1. Nietzsche, F. *Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki* [The Birth of Tragedy out of the Spirit of Music]. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2014. 224 pp. (In Russian)
2. Nygren, A. *Agape and Eros*. Philadelphia: Westminster Press, 1953. 764 pp.
3. Plato. *Izbrannye dialogi* [Selected Dialogs]. Moscow: Eksmo Publ., 2007. 768 pp. (In Russian)
4. Sartre, J.-P. *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii* [Being and Nothingness. An Essay on Phenomenological Ontology]. Moscow: AST Publ., 2014. 928 pp. (In Russian)
5. Singer, I. *Explorations in Love and Sex*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. 224 pp.
6. Singer, I. *Feeling and Imagination: The Vibrant Flux of Our Existence*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. 223 pp.
7. Singer, I. *Philosophy of Love: A Partial Summing-Up*. Cambridge: MIT Press, 2011. 144 pp.
8. Singer, I. *Sex: A Philosophical Primer*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. 152 pp.
9. Singer, I. *The Goals of Human Sexuality*. N.Y.: Norton, 1973. 219 pp.
10. Singer, I. *The Nature of Love*, Vol. 1. Plato to Luther. Chicago: University of Chicago Press, 1973. 379 pp.
11. Singer, I. *The Nature of Love*. Vol. 2. Courtly and Romantic. Chicago: University of Chicago Press, 1973. 496 pp.
12. Singer, I. *The Nature of Love*. Vol. 3. The Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 488 pp.
13. Singer, I. *The Pursuit of Love*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1994. 181 pp.